

Марат СЕРАЖЕТДИНОВ

Марат Серажетдинов родился в Москве в 1957 году. Окончил музыкальное училище им. Гнесиных. Публиковался в журналах «Знамя», «Нева». В 2022 году в издательстве «Ключ-С» вышел роман-триптих «Дневной слой».

ГОЛИПЭ

Рассказ

В тот день Катерина так и не доехала до меня. А через два я лег в больницу. Завещание не оставил, но код от банковской карты на всякий случай сообщил товарищу, мало ли. Я мог лечь в отдельную палату, за деньги, но захотелось к народу. Одинокая холостяцкая жизнь достала, нужна была смена обстановки, новые люди и впечатления. Это все хорошо, но где я буду курить, ведь в больницах курить запрещено?

Я сдал на спецхранение куртку, ботинки, шарф, шапочку, и прежняя жизнь стала уходить у меня из-под ног: обратно дороги нет. И еще для пары человек дороги назад не стало, мы поступили в распоряжение сопровождающей.

Поднялись на этаж. На этаже ждала лифт не совсем обычная каталка. На ней возвышался прямоугольный короб под синей материей. Чего непонятного, это вывозили покойника. Чернокожий медбрат метнулся к соседнему лифту нажать кнопку вызова. За каталкой с покойником стояла другая, на ней лежал человек, которого везли на операцию. Образовалась очередь. Мужчину ничто не отвлекало от созерцания над собой потолка. Я же мысленно еще раз пробежался по своей квартире: закрыл ли балкон, окна, выключил ли газ и воду в стояке. Все сделал. От сердца отлегло.

Мои документы легли на ресепшн. И вскоре меня приняли не на работу, но в пациенты. Прощай, гражданская жизнь! Дело за малым – дожидаться свободной койки.

Жизнь – это короткий период размножения, путь от отчаянья к восторгу. На этой дистанции свободный и дикий человек поклоняется, прежде всего, Богине волн. «Кыс-кыс-кыс, – позвала она. – Садись и жди, пока заправят постель. И забудь, что ты был мачо, не пригодится». Я понял это как намек избавиться от бутылки вина, которую прихватил с собой. Но я забыл штопор. Тут я возразил Богине волн: «Бывших альфа-самцов не бывает, я до сих пор открываю бутылки указательным пальцем». Из палаты напротив туалета вышла сестричка, она везла тележку с лекарствами и еще с чем-то. Увидела меня и сказала: «Сейчас я к вам приеду». Я растерялся, позабывшись, где нахожусь. «Но у меня нет еще своей постели», – сказал я. «Будет», – обнадежила она. Она сказала, что я – вновь поступивший, а вновь поступившим в первую очередь надо сдать кровь. И так улыбнулась, что стало хорошо-хорошо. Такие они, современные вампиры. Они работают в больницах. Побольше бы таких юных вампирш, с безупречными формами, чистенькими, как накрахмаленная скатерть.

Дурак занимает мало места. Ему не грозит стать взрослым, а потому он никогда не станет сосудистым хирургом, подумалось мне. Я отвернулся, когда игла шприца вот-вот должна была войти в вену. Я даже медсестрой не стану, то есть медбратом. И таблетки раскладывать не мое призвание. Вдруг ошибусь! Подумать страшно, какие могут быть последствия.

Между тем, сдав кровь прямо в коридоре, пока суд да дело, я уединился в туалете. У меня отдельная кабина с видом на улицу. Закрыл крышку унитаза и сел. «За тех, кто в море», – был мой первый тост. Выпил, пардон, из горла и закурил. Богиня волн не заставила себя долго ждать.

Не наговорить бы лишнего, хотя море стало заметно мелеть и грозило стать по колено. Таких рыб, каких ловил я, никто не ловил. Стал милее пейзаж за окном: пара сосен и вертолетная площадка. На душе стало светать. Всякого человека рано или поздно прибывает к берегу. Вот и я не стал исключением. Тишина вдруг наступила такая, что было слышно до Владика. Мир – это интимность во время цунами. Что меня ждет? Операция? Операция тоже. Но главное, меня ждут пирушки, хождения за моря, походы, чужие свадьбы и похороны, рождение детей... Я вместе с москвичами сел на чемодан перед отъездом. Не уехали сегодня, уедем завтра. Место луне на небе. Всякий лунатик об этом знает. Ее расписание он носит не в кармане пиджака или рубашки, а в сердце. Знавал я одного такого. Он копил на квартиру, но деньги у него украли. Он так и не выбрался из однушки. Это к слову.

Стансы

По вечерам здесь делать нечего, разве перекинуться в подкидного, только не с кем. Или поплакать, если есть о чем, никто не увидит. Если не о чем, то наплакаться впрок. Или от нечего делать поучить названия лекарств. Чтобы потом забыть. Я не рожден для латыни.

Много лет я не был здесь. Много лет я никак не повзрослею. Коплю годы, сам не знаю зачем, а повзрослеть не получается. Жду у моря погоды. Море волнуется – раз, море волнуется – два, море волнуется – три. Морская фигура замри. Никто так и не угадал, что я изображал воду.

Будет так: годы, скопившись, материализуются в толстяка, тот прыгнет на подкидную доску, и с другого ее конца в воздух взлетит их обладатель. До этого он ни о чем таком и не думал и мирно обедал. Но каким-то образом умудрится прихватить с собой котлету.

Летом сюда приезжать не стоит. Сюда надо приезжать в конце ноября. Дожди, стыло, последние листочки летят по небу, такому серому, хоть в гроб ложись. В такую погоду хорошо взрослеешь. Невольно ссутулишься, ругая себя, что не взял перчатки, забыл и шарф, теплые носки с подогревом. Сигарет не купишь. Человека не встретишь. Рыбалка – пустое. Справки о судимости нет. А ее никто и не спрашивает. От холода и тоски звезды на небе не светят. Зато можно взять чернильную ручку и наперекор всему написать письмо. Только адресат выбыл. С другим адресатом та же история. А третий тебя уже не вспомнит, хоть опишишь. Смириться с этим и есть стать взрослым. Ну тогда я давно взрослый, лет этак с шести, когда понял, что смертен. Смертен, но при этом живой! В те поры чуткая детская душа охотно шла на поводу у художественного бесчинства. Из каждой щели, из любого сочетания несочетаемого сочилась его пропаганда.

Здесь можно спиться. Но я не пью виски. Правда, вернувшись с прогулки, махнешь стопочку на радостях, что довелось увидеть зайца. Что было бы со мной, если бы я увидел лисицу или кабана. Хорошо, что они здесь не водятся.

Путь не близкий. На дорожку следовало бы прилечь. Но я все стоял и ждал. В такие минуты подыскиваешь слово, которым можно было бы все назвать. Им оказалось слово «espresso». В его сторону и надо выдвинуться. В дороге встретить врача, чтоб погадал по руке или на водичке из лужи. Как знать, может, он даст совет, как повзрослеть. Может, выпишет чего. Дальше подняться на лифте...

Не каждый может позволить себе стоять и ждать, ждать и ехать. Знание зарубежного языка не обязательно. Не познавшим благодать просьба не беспокоить. Коллективные заявки не рассматриваются. Быть красивым обязательно. Таблетки с собой не брать, не пригодятся. И не рыпаться. Количество Бога не сосчитаешь, вразвес Его не купишь, только оптом и Всего.

Я стоял и ждал. Ночь была пуста. Сколько места освободилось, места и времени. На дорожку надо прилечь. Все шло к тому, чтобы прилечь под забором и не маячить, не мешать самому себе продолжать стоять. Надо хорошенько все обдумать, сделать УЗИ, ЭКГ. Без спешки, себе в удовольствие составить духовное завещание, мало ли. Ближе к утру накопать червей соседу. В конце концов, составить план, как повзрослеть, и жить по пунктам.

И я поехал, помахав рукой себе подзаборному. А скоро пожалел, что отчалил. Щедро земля на кочки и выбоины. Экипаж трясло. Ничего лишнего: только ты и тряска. Умом слабел с каждым километром. Вот и подумалось: не сделать ли пирсинг?

Я стоял и ждал. Никого. Это снаружи. Внутри же что-то теплилось, даже толкалось, как младенец в утробе. Так толкался и я когда-то у мамы в животе.

Здесь убыл, там прибыл. Потому и хочется человеку сняться с места, без особых усилий прибавить себя. Возможно, себя вычесть. Или просто навестить родственников. Я же хочу убыть, чтобы повзрослеть, зашторить окна и выдохнуть: вот она взрослость, наконец-то ты муж.

– Курносая ты моя, – услышал я, когда вошел в палату. – Солнце мое, обожаю тебя. Я тебя любить буду. ...Что? И это делать буду. Боженька не увидит. Мне бы только рядом с тобою быть. ...Что? Я тебя пятнадцатилетней помню. Это уже до гробовой доски, курочка моя. Ты у меня Дюймовочка. Ты у меня цветешь, как майская роза. Хорошо-то как... На завтрак была гречка с молоком.

Человек в наушниках разговаривал с любимой женой. Ему за семьдесят. Он покорила меня волей к жизни. Моя кровать оказалась рядом с его. Я переоделся в домашнее и лег. Моисей попрощался с женой. Но слово за слово, и разговор побежал сначала: «Курносая ты моя, обожаю тебя...».

Хорошо на казенной постели. С первой минуты меня охватило чувством чего-то нового, необыкновенного в моей жизни и важного. А на вечер осталось полбутылки вина. Я обязательно ее допью! И если бы сейчас у меня попросили взаймы, я охотно бы дал, причем с любовью. В дверях показалась сестричка, взявшая у меня кровь в коридоре. Она катила впереди себя штатив с физраствором. На колбе я прочел свою фамилию, написанную черным фломастером. Она катила штатив к моей постели, я же не верил в это, что удостоился внимания молодой девушки. У меня было особенное чувство, что я угадал ее – в своей жизни она ждала именно меня, теперь и у нее все будет по-другому. Между нами обнаружилась тайна, мы не нарушим ее. Мы, конечно же, расстанемся, но зная, поднятое нами среди ничего, никто не посмеет опустить. Богиня волн меня поддержала, ее воды смешались с водами физраствора. Я задремал так сладко, так по-детски, что были не страшны несчастья других людей. Это было время счастливой разлуки с ними. Виделись сугробы и мужики. Мой сосед справа сидел на стуле в изголовье своей постели, как будто ее сторожил, чтобы не заняли. Я попросил его меня разбудить, если усну, чтобы не проспять обед. Он не отреагировал. Я еще не знал, что он с глушинкой.

– Замерзла? – слышался голос Моисея. – Оденься. И вынь ключи из двери, а то Симочка не сможет открыть ее снаружи.

Обед. Как же все славно! Потому что продумано. Первое, второе, третье... Составлено меню и на вечер. И в завтрашнем дне, можно не сомневаться, о нем уже побеспокоились. За окнами солнечный день. Как же все правильно. Моя операция стоит 240 000, а ее сделают бесплатно. Мне хватило двух половников супа, одной котлеты и компота. Дома я ем два раза больше и все равно остаюсь голодным, а тут хоть и подумал о добавке, но понял, что она будет лишней.

Мы, дети Галактики, ели молча, сосредоточенно, как и полагается детям. Моисей первым закончил обед, отнес посуду на мойку и уже звонил домой. Завтра у него операция. После шести не есть, надо сбрить бороду, сделать клизму, доложилась он своей курносой. Я где-то его видел. Я убедил себя, что видел его на лыжне солнечным днем. И Александра, соседа справа, я тоже где-то видел, где-то в коридорах института. И Валеру, пятого из нашей компании, где-то видел. То ли на уроках по НВП, то ли в армии.

Стансы

В детстве мне нравилось жалеть себя, маму, загубленную жизнь, больных голубей, околевших на морозе синичек и воробьев. Иногда вдруг всплакнется прямо на дороге. Вернешься домой и закроешься с головой одеялом.

А вот мертвецы не вызывали слез. К ним было какое-то почтение. ...Старая ива у моста через тихую речку. Под ее пологом человек спрятался. Но его ноги в ботинках почему-то расположены над водой мысками вниз. Да он повесился! Дальше – базар, народная сходка, приезд милиции. Содеянное этим человеком не умещалось в голове.

В лице дороги мы имеем дело с тем, что дальше тебя, в лице покойника – с тем, что больше. И есть чувственные объекты, вызывающие ощущение болезненности. В том же сонном голубе, часами сидевшем на одном месте, я жалел себя. Обед же за откидным столиком тумбочки вызывает чувство сиротства. Мы, обитатели палаты, – сироты, за ними не придут и не заберут домой родители. Мы в том возрасте, когда их срок вышел, их просто нет на свете. Все правильно. Все неизменно. Обед по расписанию.

*...И затерялись где-то голоса,
которые вчера ты только слышал.*

Впрочем, это не отражается на аппетите.

Не может быть, чтобы я не остался где-то в анналах лежащим на мешках пшеницы. Что тут добавить. Я собирал землянику в майку. Можно представить, какой кисель я носил на пузе, под майкой. И все равно было мало. Гречиха цвела. Козленок предлагал пободаться. Куры лежали на боку в своих ямках. Пьяный солдат на побывке. Он плачет. Плачет его женщина. Ну и я за компанию. Светло и хорошо сделается после.

Особое отношение было к груженным баржам. Они представлялись безлюдными, плывущими сами по себе – этакие античные корабли, которые под разгрузку не встают. Невероятно – льет дождь, а они плывут! Плывущее железо внушало чувство Истории. Для нее, оказывается, необходимо наличие воды. И можно плыть против Истории, а можно по ее течению. Выйти, к примеру, на берег Волги или Миссисипи – оказаться перед лицом Истории. Речушки малой родины – ее дополнения, тихие рассказы с медленным течением, обязательно прозрачные.

Прозрачная история – как мы стали сиротами, пока стайка рыб держалась у поверхности воды в косых лучах, прорезающих толщу. За это время мы заметно повзрослели, пообедали и несем тарелки на мойку. Мы тоже умрем, как и наши родители, но пока поправляем здоровье. Умирать надо здоровым, во весь рост, с чистым носовым платком в кармане.

Я шел делать УЗИ и ЭКГ, как на праздник. Выйти в люди – всегда событие. Длинный переход в соседний корпус. В нем одно окно сменяло другое. Я имел дело с остановившимися кадрами и должен был отсмотреть кино новым способом – при помощи своих двоих. Мне не дано перемещаться со скоростью 16 кадров в секунду, и я отсмотрел эпизод в замедленной съемке. Он был о том, как с высоты второго этажа

подо мной двое молодых людей везли на каталке прямоугольный короб под синей материей.

Кабинет узиста тонул в полумраке. Атмосфера, как в театре, нет, как в мавзолее. Из мавзолея я вышел живым.

Экзгистка, когда ставила на мое тело присоски, не поняла, почему я хихикаю. Я объяснился: боюсь щекотки, это – моя ахиллесова пята. И подумал: какие же мы доверчивые, чуть что, сразу раздеваемся и не требуем ничего взамен. Хотя правильно было бы, если экзгистка тоже разделась. Кто его знает, может быть, мы созданы друг для друга, и нас ждет Венеция. Уж там бы мы развернулись в узких переулках. Я бы купил ей тонкие лайковые перчатки. Потом мы бы расстались. Для нас не секрет, что счастье не вечно, и нечего тянуть. Увидев это кино, я двинулся в обратный путь. Я отнесся к расставанию с хрупкой экзгисткой философски: человек создан, чтобы терять.

Позвонила моя наставница: «Я хочу приехать к тебе помыть посуду». «Приезжай», – сказал я. И назвал новый адрес. Я сказал, что если она приедет, то мы не увидимся – в больнице карантин, и пообещал узнать, требуются ли здесь посудомойщицы, в этом случае мы могли бы видеться каждый день. Она возмутилась: «Я не хочу видеться каждый день!» И поздравила меня с днем рождения. «У меня в апреле». – «А сегодня разве не апрель!» – возмутилась она. Я ее разочаровал – на дворе февраль. Я понял, что она позвонила мне после общения с Богиней волн.

Возвращаясь в палату по длинному проспекту коридора, я повторялся. Но, черт возьми, повторяясь, мы создаем копии времени, они далеко не подделки, скорее даже наоборот – образцы. Так что возражения в подлинности или не-подлинности опыта не принимаются. На проспекте правостороннее движение. Пеших сменяют пациенты в инвалидных колясках, а также на каталках. Больные на каталках накрыты белыми простынями. Ходячие отличаются разной скоростью передвижения. У медработников она деловая. У зевак вроде меня прогулочная. У стариков с палочками скорость ниже прогулочной. Оживление на проспекте праздничным не назовешь, но солнце в окна шпарит. Наблюдалась молодежь в лице практикантов из медучилища. Им весело. В служебное время гиппократика этого не предусматривает, но витализм неубиваем. Это поэзия на диете, в смысле больно умной стала, а молодые девушки и парни являли собой любовь, красоту и вдохновение в одном флаконе. Связь поколений на проспекте представлена в полном объеме. Эх, не уберег я честь смолоду, и теперь вожу за собой сани, как неприкаянный, оставшись вечным женихом.

Так же оживленно было в коридоре приемного отделения. Сюда поступали с переломами, вывихами, сердечными и головными приступами, бытовыми травмами – молодые и старые. Та же картина, можно быть уверенным, была и вчера. И так каждый день: первичный осмотр – и на рентген или томографию. Молодоженам после бракосочетания следовало бы приезжать сюда, а уже после лететь на Ленинские горы и прочие популярные места. Озаботиться бережным отношением к своей божественной анатомии и поклясться никогда не попадать сюда, пить только витамины, водиться с хорошими людьми, кушать воздушные пирожные, тающие на нёбе. Но, черт, возьми, все может перевернуть случай, из того же ЗАГСа можно прямёхонько угодить в это самое приемное отделение, как ни старайся уберечься от кирпича. Мысли об анатомии обратили меня к архитектуре. Уходя из приемного отделения, я задумал побывать в Венеции. Но для начала оказаться в каком-нибудь барачном захолустье с одним клубом.

Вернулся в палату. На месте Моисея лежал гладковыбритый человек. Я не сразу узнал в нем прежнего Моисея. Этот был моложе прежнего на десяток лет. У окна лежал под капельницей прооперированный утром Артур. Почему не сразу привезли? Дело в том, что операция на сонную артерию предусматривает постепенное восстановление давления и температуры тела, – после операции она чуть выше тридцати градусов, –

поэтому человека кладут в палату интенсивной терапии на шесть-восемь часов и только потом переводят в общую палату. Для Артура все позади. Он дремлет и мнет в руке корку мандарина.

Наша команда – герои плутовского романа. А иначе как объяснить, что мы прикидываемся, будто не молоды, надев по такому случаю подходящие маски. Но врач, который пришел со мной знакомиться, не заметил подвоха. Или он играл в свою игру, подыгрывая мне? Но для этого надо быть циником, он же, тонкий и быстрый, с первой минуты произвел положительное впечатление: не циник. По сравнению с ним это я циник, с камнями за пазухой. Признаюсь, было желание снять маску. Но тогда разбирательств не оберешься. Использование фальшивых данных – это подлог, тянет на статью. Вся жизнь пойдет под откос: суд – приговор – Колыма. Или куда там высылают теперь? Но, может быть, там повзрослел бы, жизнь-то впереди, если раскроется мой истинный возраст.

Мы с врачом сидим за столом. Я слышу и не слышу моего собеседника: я где-то его видел. Обсуждаем предстоящую операцию, каков риск инсульта во время нее. Оказалось 2-3 процента. То есть послезавтра этот человек возьмет в руки скальпель и... Ему станет не до шуток, тогда как его пациент преспокойно будет поживать на операционном столе под общим наркозом. Моя вера в него безоговорочная: такой не зарежет. Я не сомневался, если попросить у него взаймы, он с охотой даст. Я еще подумал, что представляю собой прямой угол, а мой врач – биссектриса. В последний момент я обернулся арбузом, который он разрезал пополам. А все оттого такие глупые фантазии, что я не взрослый, к тому же одиночка. Одиночки – трагикомичное явление. Помню, однажды мама спросила меня, с кем я останусь дома, если не поеду со всеми? «С мухобойкой», – ответил я. Одиночки отличаются верностью. Когда все неверно, последнее слово останется за мной, и я скажу: «Все верно, господа, потому что мы идем по неверному пути, ё. Успокойтесь и запомните, есть неравенства, ограничивающие колебания в стохастических, то есть случайных процессах, что делает результат менее переменным». Одиночка остается верен течению реки, которого уже нет. Бывает такое – река пересохла. Но в память о ней он по-прежнему будет ходить на рыбалку, призывать платить речникам зарплату, как раньше. Мне хотелось обсудить с моим врачом и другие проблемы, но его ждали дела, он спешил.

– Курносая ты моя, полдник принесли. Представляешь, здесь говорят, что женщины делятся на лежащих и дающих. Как грубо.

Среди моих платонических женщин не было курносых.

Занавес.

Рабочие сцены начинают выбивать из него пыль. Она поднялась до облаков. Зритель негодует.

Я не хочу сказать, что театр умер. Я хочу сказать, что он еще не родился. Ломать копья – пустое.

Завтра надо снова сдать кровь. Дать имена вещам, побывать в роли Адама. Меня учили, что унижение преодолевается творчеством. Не отпускала картинка. Снегопад. Под окнами моего дома самосвалы целый день возили снег. А снега на улицах только прибавилось. Разве это не пример все того же творчества. Катерина нашла меня через много лет. В ту же копилку опыт. Получается, я был для нее платоническим мужчиной, я был ей нужен! Благоговейный ужас испытал я в тот день: она моя. И никаких фиговых листочков. Увидимся ли мы, если она так и не приехала?

Время ужина. За окном встала темень. В палате светло как днем.

Больница – дом физических страданий. Морально-волевые качества больному в помощь. Старик из соседней палаты потребовал грузинского вина. Он хочет обсудить особенности армянского – нет, не коньяка – языка. Его сиделка налила в пластмассовый стаканчик простой воды. Старик выпил и остался доволен данным сортом грузинского

вина. Об особенностях армянского языка он пообещал рассказать после ужина. Старику 90. Он русский.

В своей жизни мы – туристы. Мой глуховатый сосед справа совершил экскурс в 59-й на американскую выставку в Сокольниках. Событие мирового масштаба. Но он так и не попробовал кока-колу, не досталось. Ее продавали в павильонах «Квас». Вместе с Александром и мы нырнули в 59-й и так же из него вынырнули. Вспомнили Олимпиаду все в той же Москве. Широко шагнув, мы не порвали штаны. Безлюдные улицы, финские джемы... Артур показал большой палец, участвуя в разговоре молча. Он отказался от ужина под предлогом, что хочет похудеть. За ночь-то вряд ли, а к утру проголодается. Моисей попросил меня взять его на рыбалку на Кольский. В обед я рассказал о своих былых подвигах, и не предполагая, что они могут в ком-то отозваться. Я сказал Моисею, чтобы собирался, завтра выезжаем. Но ему позвонила любимая жена. Разговор скомкался. Можно прогуляться.

Топография местности так себе: палата – коридор – туалет. Ну еще в холл у лифта можно сходить, там посидеть. По стенам висят репродукции классиков от Малевича до Айвазовского, вернее, наоборот. Куда без «Девятого вала»? В открытую дверь женской палаты подслушал разговор.

– Они никого не любят.

– Кто?

– Выдры. ...Не от курева у нас, девочки, блямбы на артериях, а от мучного.

Я привел себе примеры взрослых мужчин, не по годам взрослых, а по геологическому устройству: Толстой, Хемингуэй, Тургенев, Астафьев... Из моих знакомых в их ряд никто не попал. Они – вместе с ними и я – любопытные аквариумные рыбки. Получается, наша стихия вода, а не земля. Мы друг другу попутчики, окольцованные случаем на небесах. У нас боковые места.

«Копите свет, господа. Станьте батарейками», – был мой первый тост. Но так и не выпил. В свое время я не решился предложить Катерине стать натурщицей. Тогда я еще баловался кистями и красками, покупал холсты, был последователем Матисса и отказался в рисунке от штриховки. И сейчас Катерина встала перед глазами во весь рост, поставив перед собой зонт острием вниз – о эта точка в полу! – объявив: «Я ухожу». Я вглядывался в этот эпизод еще и еще раз. Ничто не делает людей роднее, чем красивое прошлое. Она кинула в воду камешек, а круги разошлись во мне. Я вглядывался в то, как она повелевала. Рядом с Катериной нельзя было быть некрасивым. Больше я никогда не был таким красивым, как в тот момент, когда она сказала: «Я ухожу». Потому настаиваю на этом, что если бы было не так, то не врезалось бы в память на долгие годы, и круги от камешка не расходились бы до сих пор. ...Меня стало как-то больше. Я вгляделся в темноту над ореолом света от фонарного столба и разглядел на небе пару звездочек. В соседней кабине опорожнился человек, спустил за собой воду и зашаркал к выходу.

В свое время меня не стало вместе с отмененной страной. Я был за правых и за левых, но это ничего не могло изменить – нас вместе взятых отменили. Всеобщий авангардизм это только подчеркивал. Идея выбрала нас, нам улыбался капитализм с человеческим лицом, перефразируя одного известного правителя. Смешались кони, люди... Конца этому пока не видно. Я закрылся в своей кабинке, сидя верхом на унитазах, предусмотрительно закрыв его крышкой, чтобы насладиться силуэтом с зонтом. Я вглядывался в него и так близко принял к сердцу, что в какой-то момент он заменил меня.

«Я ухожу» было сказано не мне, а собравшимся в комнате. Эту комнату-пенал, с низким фанерным потолком, крашенным масляной краской, мне не забыть, как и вековую решетку в открытом окне. Вид за окном апокалипсический. Это был проход между кирпичной стеной и сараями, заваленный всяким мусором. Но ступала ли здесь

нога человека – вопрос. Войны, революции, эпидемии этого прохода не коснулись. Здесь нашли упокоение ведро, детская ванна, тазы, остов кровати и сложенный пополам истлевший ватный матрас. Но воробьи чирикали. Пришла весна. ...«Я уйду» Катерина сказала, обратившись ко всем, а провожать пошел один, ее молодой человек. Я в тот день напился, наверняка пообещав себе и другим больше не пить. Мне рассказывали, что я кричал на диктора, вещавшего по ламповому радиоприемнику, посылая его, диктора, на три буквы.

«Учимся властвовать», – был мой второй тост, и я вылил остатки вина в унитаз, туда же залетел окурок. Спустил воду – окурок остался. Я дождался, пока бак заполнится водой, и повторил попытку – окурок остался. Тогда я его выловил и вместе с пустой бутылкой, выйдя из кабинки, выбросил в мусорный бак, который стоял за дверью.

Через час я пожалел, что не выпил. Щуплый Валера напротив моей кровати устроил концерт. Он храпел, как богатырь, его рулады просились на нотный стан. Еще часа полтора я просидел в коридоре и попросил у сестрички снотворную таблетку.

Стансы

Солнце стояло высоко. До него было близко. И далеко-далеко простирались поля и поля. Я задрал голову к небу и сощурился, как будто мне вот-вот должны были сделать больно. Я загадал, что пуля меня не возьмет. «Тп-р-р, – послышалось сзади. – Подвезти, отец?»

И мы поехали. Ехали полдня. Только к вечеру возница спросил, куда я еду. Мне стало грустно: куда я еду, туда не приедешь. Я не ответил на вопрос. Вдоль дороги стояли стены кукурузы. Прохлада развеяла грусть. Но ее сменила тревога, сознание не могло справиться с несметным количеством кукурузы: зачем столько? Еще и сумерки давили неопределенностью: подожди, вот стемнеет, попляшешь. Дорога пошла в горку. Лошадь переключилась на понижайку, выпустив лишние газы. Возница предложил мне папироску. Я сказал, что не курю. А я курю. И что на меня нашло? Мы проехали развилку дорог, и я задремал. Очнулся, когда стемнело. Дорога уже шла под горку. Что-то мне подсказало, кукурузное поле нигде не кончалось. Я сказал, куда еду, – в Шумерли, там меня в детстве художница рисовала. Ее я, конечно, не встречу, но побывать в тех местах очень хочется. На Суре давно не был. Та художница в купальнике была, на пляже она меня рисовала. Я ее тоже, можно сказать, срисовал, хоть и маленький был.

Мой рассказ затянулся. Я скакал с одного на другое, но каждый раз возвращался к тому, что молодая художница рисовала меня, а я рисовал ее. Я запомнил, что у нее была талия, голые ноги, грудь... Что тут сказать. Она была одной из первых моих платонических женщин. Художница добивалась в рисунке портретного сходства, мне же нравилось, что она мне нравится. До этого я видел грузовую машину с высокими бортами, груженную коровами, которых везли на бойню. Это сейчас я понимаю весь ужас их положения, а тогда жалости к ним не было, только как-то холодно стало в животе. Тех коровушек давно съели. Мой рассказ нырнул в сторону: исправимся ли мы когда-нибудь, говорит человек, сокрушаясь об их участи, а сам отрезает от батона очередной кусок колбасы. Нет, не исправимся, не хватит совести. Европейец так же устроен, всякий наш либерал и тамошний демократ и т.д. и т.п. Хоть весь свет обойди, свежей мысли о человеке не встретишь, одни лишь выдумки и дизайнерство. И все-то мы едем в кузове с высокими бортами. А что, разве было когда-нибудь по-другому? Не было. Во всем всегда было полчеловека, и заячьи уши торчали. Стало быть, живем впрок, вот накопим жизни за щеки, тогда и посмотрим. А коровушек по-прежнему на скотобойни везут, чтобы потом отправить мясо в столицу.

Мой рассказ обернулся обличительной речью. Возница слушал и не слушал. И то: я начал за здоровье, а кончил за упокой. Он только заметил, что дорогу на Шумерли мы прошляпили. На той развилке, которую проехали под вечер, она уходила вправо. «Надо было раньше сказать, куда вам».

Дальше наши пути-дорожки разошлись. Я попрощался и зашагал назад к той самой развилке. К утру, может быть, буду. Ночь без луны темная. Звезды светили, но света от них не было. В темноте кукуруза как будто выросла еще выше прежнего, предоставив коридор для прохода. Я шел и помалкивал. Бояться вредно. Я и не боялся, но страшиновато было. Я смотрел сон наяву. Вскоре и в самом деле уснул. Но продолжал идти. Проснулся, когда впереди послышалось тарахтенье мотоцикла, и меня ослепил свет фары. Мотоциклист остановился и что-то меня спросил. Я не расслышал, что именно, и на всякий случай показал рукой вперед по ходу его следования, мол, он правильно едет. Я подумал, что мотоциклист заблудился, и не подумал, что заблудиться нельзя – дорога одна, прямо. Он дал по газам, наделав шуму на всю вселенную, и должен был сорваться с места, как на гонках, но поехал вперед несообразно медленно. Я пошел дальше и снова уснул. Где-то через час пробудился. Не сказать чтобы выспался, но спать не хотелось. Я еще подумал: мне снится, что я пробудился. Так или иначе, этот неустановленный факт не мешал размышлять. Я задался вопросом: как доказать, что я не сплю? Первое, что пришло в голову, – пройтись вперед с закрытыми глазами. Не убедительно. С закрытыми глазами человек и во сне ходит. Мне пришло на ум обжечь огнем руку, и чтобы огонь от зажигалки не пропал даром, закурить. Но зачем? зачем доказывать, что я не сплю, малодушие какое-то, тем более тебе ничто не мешает размышлять дальше. И не стал прикуривать. Между тем я подобрался к главному вопросу: куда ехал возница, если кукурузное поле нигде не кончалось? Об этом он не мог не знать. Знал и не сказал об этом! Возникает следующий вопрос: с кем я имел дело? Мне стало не по себе. Я закурил, вспомнив, что возница предлагал мне папиросу. Папиросы в Москве не купишь, он же курил – ладно бы «Беломор» – «Прибой», их точно не выпускают. А лошадь у него откуда? Лошадей в хозяйстве уже не держат. Колхозов нет. И телег во дворах не встретишь. Я его где-то видел. Но где? Подсказку сделал мотоциклист. Я вспомнил, что ездил на этом мотоцикле в детстве, на заднем сиденье. Это мотоцикл моего дядьки. «Ява» была только у него, он на ней потом разбился. Я установил, что мотоциклист и возница – одно лицо. Это – мой дядька, который возил меня в Шумерли. Почему я его сразу не узнал? Потому что старше его в два раза. Я состарился, а он остался вечно молодым, как поется в одной песне. Этого я и предположить не мог, что когда-нибудь встречу с ним. В свою очередь в моем лице он не признал мальчишку, в котором души не чаял. Подумать только, я для него «отец». Вот такая звезда бессмысленного счастья осветила неожиданно дела минувших дней.

Мое первое утро на казенной постели было счастливым. Я как будто родился в общем вагоне и принадлежал всем. Первая большая остановка поезда. Первое расставание. Щуплый днем Валера, богатырь ночью, тихий Александр, человек с глушинкой, собирали вещи на выход. Их ждала Большая земля. Увезли на операцию Моисея. Без него в палате стало как-то пусто. В соседнем вагоне жалобы – от окна сильно дует. В дверях показалась высокая женщина в коротком белом халатике. Она смотрела строго на меня. Ух, да я ей нужен! Кто бы это мог быть? Я где-то ее видел. Она напредила маляршу из нулевых, не хватало косынки на голове. Это была анестезиолог. У меня есть свой анестезиолог о длинных ногах! Немного уставшая, но в целом хороша. Она узнала обо мне самое главное: гланды выдрали в десять, аппендицит вырезали в двадцать, аллергии на лекарства нет. Идеальный жених. Но, похоже, я ей не понравился. Она ожидала увидеть в постели новорожденного, а в ней лежал взрослый дядька. Произведя расследование, она направила к двери и на прощание даже не

обернулась. Это она потом поднесет к моему лицу маску, явно задумав меня усыпить, коварная. Вот кто настоящая, а не придуманная Богиня волн! Я знаю теперь, как она выглядит.

Она вышла из палаты.

Нет, не малярша – спортсменка, припомнилось мне. Как я мог забыть, она бежала сквозь слезы и еле добежала до финиша, где ее ждала родня. Они обнимались и плакали. Если бы я был настоящим художником, то написал бы такую картину и назвал бы ее «Нет слов».

«После шести не есть», – прозвучало как приговор. «Началось. Вот оно», – написал бы Толстой. В атаку идут, чтобы побеждать, а не умирать. Вот и я про то. Привести в порядок, и мысли, всем все простить и пообещать себе стать лучше... Позвонила моя наставница: «Я хочу умереть». Я прыснул от смеха и не мог начать разговор. «Что ты ржешь? Вот когда еще был жив Кузя...» Тут я просто сполз с кровати: вот оно новое летоисчисление – «когда был жив Кузя»! Кузя – собачка, существо злобное и ненужное. «И что? Когда он был еще жив – что?» – спросил я. – «Ты меня сбил, я забыла, что хотела сказать». Я ей заметил: когда она позвонит в следующий раз, я буду знать, что она воскресла. Смешно стало ей, она передумала умирать. «Что случилось?» – спросил я. – «В том-то и дело, что ничего». Она призналась мне в любви и сказала, звонит муж, она не может говорить.

Поезд тронулся около одиннадцати, когда все уснули. Я за машиниста. За что мне такое счастье. Счастье – не слышать Моисея, но обращаться к женщинам его словами: «Солнце мое, обожаю тебя. Приеду, в угол поставлю. Никому тебя не отдам, курносая ты моя».

...Я разделся догола, лег на каталку и укрылся свежей, как майский день, простынею. Меня повезли.

Ну, удивите меня! А цыгане будут? Может, какой-нибудь Гамлет встретится по пути или Как То, то есть Кокто. Считаю себя артистом, хотя не сыграл ни одной роли на сцене. Пляски разума мне ведомы и сейчас хочется праздника, разгула, необузданности, несоизмеримости. Прощайте настенные Айвазовские и Малевичи. Только потолок, только он мне товарищ и брат, отменивший законы перспективы и вообще горизонт. Я наконец выплусь под общим наркозом, осталось немного и недолго. Я отменю собой время. Хватит, наелся! Я созрел для монолога, меня не остановит холод в животе, когда вдруг ясно вспомнил, что, уходя в больницу, не выключил свет в прихожей и туалете. Меня не остановит чувство вины перед родственницами Харона, двумя женщинами, что не могу помочь им катить каталку, на которой лежал. От них я узнал божественные новости: со следующей недели у техничек изменится график дежурств, а сегодня на ужин будет горбуша с пюрешкой. Заодно они промыли косточки одной своей сотруднице. И мир начал твориться сам собой. ...Я впервые ехал в лифте лежа, поднявшись на последний этаж, как в первый раз. За ближайшим поворотом от лифта попали в затор. Небольшая очередь, перед тем как попасть в операционную. Мои неузнанные поначалу Сильфиды сказали, что меня заберут другие, положили историю болезни на грудь и, пожелав ни пуха, ушли.

Стансы

За последние двенадцать лет я встретил лишь одну примечательную женщину – то ли секретарша, то ли блаженная. Она переходила речку вброд. Чем выше она поднимала подол платья, тем сильнее билось мое сердце. В кои веки захотелось взяться за кисти. Она обернулась и сказала, чтобы я возвращался домой и все забыл. Я так и сделал. Пришел – лег – уснул. Открыл глаза – прошло шесть лет. «Что ты делаешь вечером?» – спросила блаженная секретарша. «Ничего», – ответил я. «И я ничего», –

сказала она и предложила встретиться вечером, прогуляться. Пока собирался вечер, прошло еще шесть лет. Меня ничего не волнует и не мучает. Я понял, что стал блаженным. «Что ты делаешь вечером?» – спросила моя мучительница. «Ничего», – ответил я. Она предложила встретиться вечером, ей нужен натурщик. Я согласился и подумал: только бы в наши отношения снова не втесались шесть лет. Я отнесся к мероприятию ответственно, проявив бдительность часового, осторожность минера и зоркость снайпера. Бдения увенчались успехом – мы, наконец, встретились, на берегу речки. Она поставила этюдник на ножки и попросила меня зайти в воду. Я встал лицом к ней. Она сказала, так я похож на дурачка, и попросила встать спиной. Больше мы не виделись.

Пейзаж утратил зримость. Дальше вытянутой руки ничего не видно. Оpozнание местности производится по памяти. Несуразной покажется установка «пиши, что видишь».

Чего непонятного, братцы, – туман. Слава Богу, не газовая атака. Я поставил этюдник на ножки и нарисовал что знаю – солнышко и травку. Побоку туман. И все-таки спасибо ему, открывшему горе-художнику глаза, что раньше ему все казалось. На самом деле ничего не было, он себя обманывал. Из той точки на земле, где он стоял, все только должно было произойти: ожидания, скука, праздность, радость... Само собой и деревья. Новую жизнь можно посвятить раскопкам и, слушая старые пластинки, поспорить с кротами в производительности труда. В паузах кивать самому себе головой. Или бросать в туман камешками. Или кинуться отмывать посуду от жирового налета. Или сосредоточиться на лимоне, объявить, что он – ВСЕ, и начать варить холодец, уверовав, что никто больше не варит сейчас холодец, ты единственный. Неповторимый ли? – вопрос. Но туман не диктует правил морали, а потому вопрос останется открытым. Туман сам по себе – выдающееся явление природы, ни с чем не соизмеримое. В нем есть дух бессмертия, он осязаем. Кажется, что вот еще немного, и он тебя заменит. ...Я сложил этюдник и решил искупаться посреди наступившей вдруг зимы. Заодно наловить рыбы, она же заблудилась в тумане, став легкой добычей.

Мысли думались коротко. Еще немного и ты ослепнешь, продолжая видеть.

Надо закончить красиво.

Вернувшись домой, я обнаружил письмо без обратного адреса. В конверт был вложен чистый лист бумаги.

У меня нет врагов. Это плохо. Вот если б были, тогда и жизнь, глядишь, сложилась бы по-другому. А то все весело, хи-ха да ха-ха. Зато редко бывает грустно, забыл, когда в последний раз печалился.

У меня никого. Если что, хоронить будет моя наставница с мужем. Своей смертью я причиню людям неудобство, а для них это будет горем. Очень-очень далеко до тех времен, когда все было впереди. Теперь я часто слышу за стеной, как соседка кричит бранными словами на свою маленькую дочку, кричит на сына, кричит на мужа.

Богу на ночь не молюсь. Верю в конец света. Но это не я верю, какой-то другой человек. Только Богиня волн может отрезвить, возвращая слух. И тогда я вижу до Владика и знаю, чем занимаются на Чукотке. Откуда? Кто ж его знает. Мне хорошо, когда снится моя покойная мама. Хочется к ней, и не жалко ничего потерять на этом свете. Последний раз она меня пожурела, что не звоню.

В заторе я простоял минут пять. Увезли в операционную мужчину с животом. Забрали женщину, прооперированную, как говорила мама, по женской части. О чем думала эта женщина, глядя в потолок?

Я один.

Захотелось горохового супа с копченостями. И, конечно, яичницу. Не могу вспомнить человека, который говорил: «И лаврушечку, лаврушечку».

На груди история болезни вместо Библии. Конец темным влечениям. Спать, спать. Даешь общий наркоз! Я ждал, что за мной придут. И пришли. Двое, он и она. Я где-то их видел. Как я мог забыть, они же еще Гиппократу ассистировали. Она – полненькая, он – худенький. Скажем, невзрачные, не проронившие ни слова, не посмотревшие мне в глаза. Все говорило об их потусторонности.

И меня повезли.

Я убедил себя, что слышал когда-то, как эти inferно пели на два голоса. Пели тихо, из-за непогоды. В непогоду аудитория слышит лучше, не надо стараться. На каком языке они пели, не вспомнить. Было озеро. В ночи оно казалось каменным. Я тогда сам у себя купил свою картину. Хватило ума не предложить сделать себе массаж. И сейчас меня везли по каменному озеру слушать мессу. Вляпался. Предстоит побывать на отпевании себя при жизни. Пусть так. Только вот коммунальные платежи не оплатил. Все-таки надо завести Личный кабинет, перейти на автоплатежи. Бухгалтерия достала. Других долгов, слава Богу, нет. И надо купить новый смеситель, шланг в душевую, поменять губки для мытья посуды и отхлорить туалет – начать новую жизнь, пока живой, и обращаться к себе на «вы». Может, тогда повзрослею. Ах, как хочется услышать сверчков, выйти босиком на травку в лунную ночь, когда сердцу мил даже храп Евгения с соседнего участка. Живет человек и ему всегда хорошо. И спит хорошо. А в округе соловьи заливаются. Луна заглянула в дождевую бочку.

Каменное озеро не кончалось.

Наконец повернули налево, и я оказался в большом зале с синим сводом, показавшимся огромным. Я поймал себя на мысли, что меня привезли в зал планетария. Я перелег с каталки на операционный стол. ...В изголовье надо мной показалась Богиня волн.

.....
.....
.....

Дома меня не было неделю. Первым делом я выключил свет в прихожей и туалете. В остальном все в порядке и на месте. Потом я неожиданно встретился с собой в зеркале. Я где-то видел этого человека, у него глаза были больше.

И чего я рассмеялся?

Такой вот эпилог.